

Стеллаж-витрина в лавке напоминал классическую полку «добаогэ» для диковин. В её ячейках теснились самые разные кубки и чаши. Расставлены они были, на первый взгляд, совершенно хаотично, но за этим порядком крылась некая тайна. Какая именно — А-Мо сказать не мог; он лишь чувствовал, что, переступив порог, попадаешь в совершенно иной мир.

Сосуды были разными: одни — изящные и тонкие, другие — грубые и массивные; одни — огромные, другие — крошечные. Их причудливые формы поражали воображение.

А-Мо всерьёз сомневался: купит ли кто-нибудь подобное?

В первый же день работы на пороге возник человек, с ног до головы укутанный в чёрный плащ. Ни пола, ни возраста было не разобрать, а голос его явно был изменён. У А-Мо мелькнула единственная мысль: «Это не человек». Незнакомец с ходу потребовал кубок из кровавой яшмы, стоявший на полке. А-Мо хотел было спросить Лун Юя о цене, но...

Тот лишь небрежно крутил в пальцах стеклянный флакон, сидя за столом.

— Сначала попробуй его поднять, — бросил он, не поднимая взгляда.

Разумеется, гость не смог даже сдвинуть кубок с места. В итоге таинственному покупателю пришлось убраться восвояси, поджав хвост.

— Господин, чем же вы на самом деле здесь торгуете? — А-Мо окончательно запутался.

— Предназначением, — Лун Юй обвёл взглядом выставленные кубки. — Эти чаши — проводники. У каждой своя судьба. Тот, кто сможет её поднять, — предначертанно связан с ней, а тот, кто сумеет унести, — обретает своё право. Но чаще бывает так, что нет ни связи, ни права. Встреча — это судьба, но и отсутствие встречи — тоже она.

Он тонко улыбнулся и коснулся пальцами кубка из зелёного нефрита.

— Судьбу нельзя принудить.

А-Мо почему-то показалось, что эти слова адресованы именно ему.

— Иногда за свою судьбу нужно бороться, — буркнул он.

— Возможно, — коротко ответил Лун Юй, возвращая нефрит на полку. — Сходи в закусочную семьи Хао. Закажи говядину в соусе, а остальное — на своё усмотрение. Поторапливайся, Яи скоро проснётся и наверняка проголодается.

Услышав это, А-Мо едва не закатил глаза. «Прикидываешься или правда не понимаешь? Владыка Преисподней не умрёт без еды! Ещё и "проснётся"! Хм, он что, вообще ложился?»

Несмотря на ворчание, парень отправился за едой. Как только он скрылся за дверью, Лун Юй холодно усмехнулся.

«И впрямь ничего не смыслит».

Взмахнув рукой, Лун Юй прошептал заклинание, и в воздухе соткался магический контур.

— Раз уж пришёл, покажи этому мальчишке, что к чему. А то он слишком уж заважничал в своём неведении. Позорит меня, — произнёс он.

В центре призрачного круга проступили очертания змеи.

— Не беспокойтесь, хозяин.

— Уж в тебе-то я не сомневаюсь, — кивнул Лун Юй. — Пойду прилягу рядом с Яи. Присмотри за лавкой, если случится что-то серьёзное — зови.

Он развернулся к лестнице, но на полпути остановился:

— Когда принесут говядину — съешь её сам.

— А как же Владыка? — донёсся голос змеиной тени.

— Яи любит только ту говядину, которую готовлю я, — Лун Юй улыбнулся ещё шире и поднялся на второй этаж.

Наверху, за спиной Лун Юя, печать опустилась на пол, и из неё вышел юноша лет пятнадцати-шестнадцати. Худой, с кошачьим разрезом глаз, он выглядел мрачным. Он не улыбался, от него веяло могильным холодом.

Второй этаж представлял собой пространство, расширенное чарами — не меньше сотни квадратных метров, чего снаружи и заподозрить было нельзя. Изысканная мебель, а в самом центре — огромная резная кровать. Комната была напитана иньской энергией, напоминая покои в Преисподней. У изголовья, прямо в воздухе, пылал алый цветок хиганбаны — без корней и листьев. Он парил, точно путеводный фонарь, освещая ложе.

Лун Юй подошёл к постели. Одним движением он развязал пояс, и одежды мягким ворохом опали на пол. На нём осталась лишь тонкая, почти прозрачная нижняя рубаша. Хиганбана

послушно отплыла в сторону, освобождая путь.

Кровать была огромной, но Яи ухитрился занять добрую половину. Лун Юй легонько толкнул спящего:

— Подвинься, занял всё моё место.

Мужчина во сне послушно сместился, но лишь на ладонь. Стоило Лун Юю присесть на край, как сильные руки обхватили его и потянули на себя.

— Любимый... — пробормотал Яи, утыкаясь носом ему в шею и перекатываясь на середину кровати вместе с «добычей».

— Проснулся? — Лун Юй коснулся его щеки. — Всё ещё хочешь спать?

— Хочу, — голос Яи был низким и хриплым. Он снова прильнул к нему.

— Тогда спи, — Лун Юй нежно погладил его по волосам, а голос его зазвучал так мягко, что, казалось, в нём можно было утонуть.

Яи лишь что-то невнятно промычал в ответ. Его руки и ноги собственнически переплелись с телом Лун Юя, а пальцы уже ловко распутывали завязки его рубахи. Одним резким движением он стянул с него тонкую ткань и отшвырнул её прочь. Прижавшись кожей к знакомому, прохладному телу, Владыка блаженно выдохнул. Его волосы щекотали кожу Лун Юя, заставляя того невольно вздрагивать.

— Спи уже! Ты же устал! — Лун Юй отвёл его волосы в сторону и попытался немного отстраниться, но, ощутив холод чужой кожи, замер и лишь плотнее укрыл их обоих одеялом.

В тесном коконе они оказались ещё ближе друг к другу. Яи, совершенно не считаясь с протестами, прижал Лун Юя к груди. Несмотря на разницу в росте всего в полголовы, без одежды их различие в телосложении стало очевидным. Из-за особенностей конституции Лун Юй оставался худощавым, как бы его ни пытались откормить, да и кость у него была тонкая. Будучи полуасурой, он не обладал их чудовищным ростом, но всё же был шире любого человека. Однако рядом с Яи он казался хрупким. Высокий, широкоплечий Владыка Преисподней обнимал его так крепко, что Лун Юй буквально исчезал в его объятиях. Для Яи не было подушки удобнее, чем его любимый.

Лун Юй лишь беспомощно вздохнул. «Ну что за ребёнок? Даже Сы Чэнь в детстве не был таким прилипчивым».

Он невольно улыбнулся, прижался к груди Яи и закрыл глаза. Сон быстро сморил и его.

Алая хиганбана снова подплыла ближе, кружа над спящими. Наконец она замерла подле Лун Юя. В гуще её лепестков покоилась чаша — простая, без единого узора, выполненная из чистейшего, прозрачного нефрита. Цветок склонил лепесток, словно хотел коснуться щеки Лун Юя, но Яи внезапно открыл глаза и наградил его тяжёлым взглядом. Взмахом руки он отогнал цветок на полметра, безмолвно заявляя: «Моё!»

Хиганбана зависла в воздухе, подрагивая лепестками от явного возмущения. Чаша внутри неё тоже качнулась, будто выражая протест.

Яи, убедившись, что «соперник» отступил, снова закрыл глаза.

«Он мой! И никаким "врождённым чашам сердца" я его не отдам!»

Какая вопиющая тирания! Будь чаша способна говорить, она бы наверняка высказала Яи всё, что о нём думает. Ведь лавку открыли именно ради неё! Разве она не может проявить немного благодарности?

Когда-то сердце Яи было вырвано, а его чаша подарена Лун Юю. С каждым днём её магическая сила таяла. И хотя этот запас не исчерпался бы и за сотни тысяч лет, Лун Юй не мог сидеть сложа руки. Оказавшись здесь, он обнаружил, что это место — природный источник иньской энергии, и решил использовать его, чтобы восстановить силы чаши.

Расстановка предметов в лавке подчинялась законам пяти стихий, а кубки были выбраны самые одухотворённые. Каждое событие здесь служило одной цели — накоплению сакральной связи.

Яи же спал так крепко вовсе не от усталости, а от того, что здесь ему было слишком спокойно и уютно. Лун Юй сам уложил его, зная, что без него Владыка не сможет по-настоящему отдохнуть. Теперь же, когда в лавке появился Цай Ань, за дела можно было не беспокоиться.

Среди окружения Лун Юя Сяо Цзин и Хэ Мофань были доверенными лицами, а Чжан Чжун оставался чужаком. Он больше всего полагался на Сяо Цзина; Хэ Мофань же, хоть и не обладал великими талантами, мастерски умел вставлять палки в колёса Чжан Чжуну.

Помимо них у Лун Юя были четыре гу. Точнее, сам он считал, что их три: Жирный кролик Бань Лань, Цай Ань и Суй Ин. Цай Ань был рассудителен и знал меру, ему он поручал важные дела. Суй Ин был человеком дела: если он приказывал кого-то устранить, промашек не бывало. Что же касается Бань Ланя, тот вёл себя слишком дерзко. Пользуясь тем, что вскормлен кровью хозяина, он задирает нос, пока Лун Юй в наказание не пересадил его в тело Призрачного Дракона. Из-за этого Бань Ланю пришлось долго восстанавливать силы в глубоком сне. Проснувшись, он обнаружил, что мир изменился: у хозяина появился четвёртый гу! Которого тот к тому же растил как собственного сына.

Долгое время Бань Лань не выносил Цзи Ляня, считая, что тот занял его место. Он не понимал,

почему Лун Юй так к нему привязан, и мечтал избавиться от конкурента, но не смел. В глазах остальных Цзи Лянь был вторым сыном хозяина. Бань Лань пару раз пытался строить ему козни, думая, что это пустяки, но в итоге получил жестокий урок от Владыки Преисподней. Причина была проста: он расстроил Лун Юя.

Лишь тогда Бань Лань осознал: Лун Юй без колебаний отсечёт лишнее. Особенно если это касается его самого. Он не мог понять, как хозяин, которому он столько помогал, может так легко «сжигать мосты». Но спрашивать не отважился. Он смутно чувствовал: нынешний Лун Юй — совсем не тот беспомощный мальчишка из поместья Юйчжуан.

Конечно, он не понимал главного. Лун Юй сделал своё тело сосудом для гу лишь для того, чтобы выжить. Но это вовсе не означало, что он будет любить тех, кто принёс ему столько боли. Если бы он был чуть более жестоким, он бы давно раздавил Бань Ланя, и лишь капля памяти о прошлом удерживала его руку. Пока тот сам не напросится на смерть.

Когда А-Мо вернулся в лавку, он увидел там незнакомца, стоявшего спиной к нему и рассматривавшего стеллаж. Парень тут же поставил коробку с едой и вежливо осведомился:

— Что угодно господину?

Цай Ань обернулся и смерил его презрительным взглядом с головы до ног. «Слишком легкомысленный. Неудивительно, что хозяин зовёт его Оболтусом».

— Хозяин ушёл спать. Теперь ты в моём подчинении. Сколько здесь кубков? Какова история каждого? Рассказывай, я слушаю, — холодно произнёс он, глядя на него исподлобья.

— Э-э... — А-Мо замялся, но тут же возмутился: — Ты ещё кто такой? Мы оба слуги господина, с чего это ты вздумал мной командовать?

Цай Ань зловеще усмехнулся, и в этой усмешке сквозила истинная ядовитость. Он лишь слегка повёл рукой, и А-Мо почувствовал, как невидимые пальцы мертвой хваткой вцепились ему в горло. Воздух перестал поступать в лёгкие.

— Совсем не видишь, кто перед тобой. Не зря хозяин прозвал тебя Оболтусом, — он поднял руку выше, и А-Мо закачался в воздухе, едва касаясь пола носками сапог. Затем хватка исчезла, и парень рухнул на пол, больно ударившись. Он зашёлся в кашле, ощущая, как в висках стучит кровь — в то мгновение он был уверен, что умрёт. — Если хочешь жить — веди себя тише.

Цай Ань небрежно бросил перед ним тетрадь.

— Чтобы к завтрашнему дню вызубрил всё, что здесь написано.

Он не стал уточнять, что будет в случае неудачи, но А-Мо и без слов понял: пощады не будет.

Внезапно парень осознал, что Лун Юй на самом деле обходился с ним весьма милосердно. По крайней мере, он так его не запугивал.

Услышал бы это Цай Ань, он бы лишь рассмеялся его наивности. Хозяин вовсе не был к нему добр — ему просто было лень тратить на него время.

Тетрадь оказалась заполнена описаниями сотен сосудов. А-Мо смотрел на этот список и понимал: его жизнь превратилась в сплошной кубковый кошмар.

<http://bllate.org/book/17533/1705648>